

1980 | 2

ISSN 0130-2353

КОЛОБОК

детский
журнал
с пластинками

**ВСЕ РАБОТЫ
ХОРОШИ.
ВЫБИРАЙ
НА ВКУС!**

Добрый снеговик

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

— Эй, снеговик-снеговичок,
скажи нам по секрету:
зачем ты вскинул на плечо
метлу большую эту?

— Я ночью, в сильный снегопад,
сметаю снег с дороги:
пойдёте в школу, в детский сад —
и не промокнут ноги.

— Снеговичок, скажи теперь:
зачем на голову тебе
ведро вот это старое
вверх доньшком поставили?

— Да как же без него, дружки,
залью вам горки и катки?..

А если вьюга злится,
то, например, саница
укрыться может под ведром —
вполне приличный птичий дом.

— А для чего морковный нос
к тебе приделан ловко?

— Вот если б в лес пойти пришлось,
свой нос я зайцам бы отнёс,
на то он и морковка.

— А кем из наших малышей
твой рот растянут до ушей?

— К такому рту я сам привык,
тут нет ничьей ошибки.

Ну что это за снеговик
без радостной улыбки!

Перевёл с украинского
В. Корчагин

Иллюстрации А. Свирчов

Счастье с нами каждый день

Иллюстрация С. Иванова

Счастье родилось рано-рано, когда ещё почти никто не встал. Родилось и ждало своего часа.

Наконец проснулся тот самый мальчик, который увидел его первым. Он взглянул в заснеженное февральское окно: там стояло дерево, всё сделанное словно из чёрных и белых полос. Чёрные полосы—это были ветви, а белые, легчайшие—это был снег, замёрзший даже на самой тонкой веточке.

Двор перед домом лежал белый и нетронутый, словно лист бумаги. И люди, выйдя из парадного, останавливались и переглядывались, боясь что-нибудь испортить.

А свету всё прибывало в мире. Фонари бледнели, и, наконец, поняв, что они здесь совсем не нужны, погасли. Тогда вззошло солнце, и в городе стало очень много света, потому что лучи ударялись и о белые ветки деревьев, и о белые кокошники окон, и о белые крыши домов, и о белые дворы, и о троллейбусы в белых снежных шапках. И ударившись, лучи разлетались во все углы, словно брызги. Становилось ещё светлее и прозрачней.

И тогда все до одного, все наконец увидели

счастье, и глубоко вдохнули его чудный морозный вкус, и услышали его песню. Компания белок, которая давно уже переселилась из леса в город—поблизе к грецким орехам и конфетам,—сейчас спрыгнула с дерева и первой пробежалась по белому листу двора. И это тоже было счастье!

Всё кругом—это было счастье, огромное счастье, которое с нами каждый день, каждый час. И в звенящей сентябрьской роще, и в тёмном поле под звёздами, и на июльской солнечной речке, и сегодня, на февральском морозном дворе.

А чтобы получить это счастье, не требуется стоять в очереди или раздобывать входные билеты. Оно и так твоё—счастье принадлежащего людям огромного мира. Только заметь его, сумей его услышать и почувствовать.

Над миром своим, над своим счастьем в беззвучной, стремительном самолёте летит человек. Самолёт этот называется МЕЧТА.

Летит человек и смотрит: вот это в мире надо перестроить, а это сделать ещё лучше.

И знает: так оно и произойдёт.

С. ИВАНОВ

Елисавета БАГРЯНА

Звёзды

Вот бы встать на носочки
На какой-нибудь камень
И до звёзд дотянуться
руками.

Поглядет, что ж мерцает
В небесах каждый вечер:
Светлячки или тысячи
свечек?

Ветер дует — не гаснут
И не спят до рассвета,
А от солнышка
прячутся где-то.

Только где вот — не знаю:
Догадаться пытаюсь
И от пения птиц
просыпаюсь!

Перевод с болгарского
Игоря Мазнина

Мы вместе с ними рос

Пусть кажется —
Всегда молчат
Снега и облака,
Людей не помнит
Старый сад,
Не узнаёт река...
Ты по холмам пройди,
С высот
Взгляни на мир —
Вокруг тебя обнимет
горизонт,

Как обнимает друг.
Пригонит ветер облака
Умыть тебя дождём.
Качает на волне река.
А ивы шепчут: ждём.
Когда по лугу мчишься ты,
Со всех сторон бегут
Навстречу травы и цветы,
Звенят:

Мы тут, мы тут...
Кружится хоровод берёз
Над светлым ручейком,
И слышится:
Ты с нами рос.
Ты всем давно знаком...
А как в суробах по лыжне
Снег бережно несёт —
Ну разве
Даже в зимнем дне
Нет о тебе забот?
И ты сумеешь ответить сам
Тому, что есть вокруг, —
По луговинам и лесам
Пройди, как верный друг.

Наталья
ЮРКОВА

Маргарита
КУЗЬМИНА

Бобрёнок и луна

Когда над рекою
Вставала луна,
Бобрёнок садился
Мечтать у окна:
Вот если б добрался
Скорей до луны,
Мне славу трубили бы
Даже слоны!
Представил бобрёнок,
Как он не во сне
Отважно шагает
По жёлтой луне.
А снизу глядят
На него земляки:
Подумайте только,
Он с нашей реки!
Ещё не забыты бы
Собрать в туесок
Им лунные камни
И лунный песок...
От этих видений
Очнувшись с трудом,
Бобрёнок на небо
Взглянул перед сном.
И вдруг он услышал,
Как шепчет луна:
— Мечтай!
Для мечтателей
Я создана.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Света-молodeц

Батюшки-светы!
 Молоток у Светы!
 Тук-тук,
 Тук-тук,
 Трое суток
 В доме стук!
 От рассвета
 До рассвета
 Забивает гвозди Света.
 Забивает гвозди в пол,
 В табуретку, стул и стол,
 Забивает как попало,
 Чуть по пальцу не попало!
 Тук-тук,
 Тук-тук-тук.
 Трое суток
 Перестук!
 От ударов молотка
 Штукатурка с потолка
 У соседей сыплется —
 Скоро дом рассыпется!

Не заметила рассвета,
 Гвозди все забыла Света!
 Села Света у окна...
 И тогда во всей квартире
 Наступила тишина.

Владимир РОМАНОВ

Аэросани

Не хотите вместе с нами
 Обкатать аэросани?
 Закружил, завыл

пропеллер.

Тучи снега понесло.
 Мы скорей в кабину сели —
 И уютно, и тепло.
 И летим вперёд на славу,
 Всё быстрее полозьев без.
 Хоть налево,
 Хоть направо,
 Лишь бы был хороший снег.
 Мы катаемся

не устанем —

Пусть завидки всех берут.
 — Ай да сани! Чудо-сани!
 Где такие продают?
 Наши сани — наш экзамен.
 Мы трудились

день-деньской.

— Покупать?
 Да лучше сами
 Смастерите чудо-сани
 В вашей школьной
 мастерской!

Перевёл с удмуртского
 Леонид Ханбеков

Магомед ГАЗИЕВ

Зима

«Стуки-стук» —
 Молоток мороза —
 О ледяной гвоздь.
 Это зима
 Прибила к карнизам
 Льда голубую гроздь.

Всем зима раздала

подарки:

Всем пригоркам — платки,
 Всем деревьям —
 шапки-ушанки,
 Всем кустам — кушаки.
 Зря я нынче
 Встал спозаранку.
 Напрасно подарка ждал.
 Если б мне подарили
 ушанку,
 Я б носил, не снимал.

Влез на дерево,

Снял ушанку.

Примерил:

«Ой, велика!»

Белая шапка —

Снега охапка —

Рассыпалась, как мука.

Перевод с аварского
 А. Ахундовой

Августин В. Ахундов

Сколько песен мы с вами вместе
 Спели маме своей родной,
 А про папу до этой песни
 Песни не было ни одной...

КАКАЯ ПРОФЕССИЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО
 ТЕБЕ ПРАВИТСЯ?

Так поётся в песне композитора
 Владимира Шаинского и поэта
 Михаила Танича под названием «Папа».
 Эту песню, а также и песни М. Ваняна
 на стихи А. Дуйсембиева «Мой папа» и
 Н. Пескова на стихи В. Крючкова
 «Наша семья» ты услышишь
 на пластинке в исполнении
 детского хора.
 Итак, песни про наших пап,
 а ещё... чуточку и про мам...

Наши папы

слушай пластинку
 смотри картинку

Иллюстрации
 В. Вяземцев

Конкурс Колобка

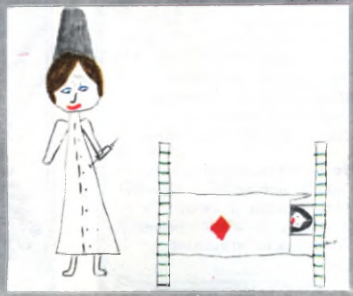
Ребята! «Колобок» объявил конкурс на лучший рисунок «Какая профессия больше всего тебе нравится?».

Редакция получила много писем и бандеролей, а в них — рисунки, рисунки, рисунки... Самые удачные, самые выразительные будут напечатаны на страницах журнала. Там же вы прочитаете и рассказы о ваших любимых профессиях.

«БУДУ РАСТИТЬ ХЛЕБ».
 Дмитрий Смирнов, г. Орехово-Зуево.

«ХОЧУ БЫТЬ ВРАЧОМ».
 Ира Сироткина, г. Городище.

«ХОЧУ СТАТЬ ДОЯРКОЙ». Катя Бнатова, 6 лет, г. Ленинград.

«ХОЧУ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ-МУЛЬТИПЛИКАТОРОМ»
Андрей Бартевев, 13 лет, Краснодарский край.

А. ГИГЕВСКИЙ

Самолёт

Как же стал он
самолётом?!

Может, был сперва птенцом,
Может, даже желторотым,
Может, вырос он потом?!

Там, где радуга живёт

Там, шиверно,
всё цветное:
Трёх ушей цветные
кот,
Дождь траву
цветную моет
Там, где радуга живёт.

А когда же я расту?

Вот я встал,
Кота погладил,
Вот —
я шлёпнулся
на льду,
Вот — болею,
ем оладьи,
А когда же я
расту?

Бэла БЕЛОВА

Радость

*Люблю смотреть, как новосёлы
Въезжают в новые дома!
Повсюду грохот, шум весёлый,
Во всех квартирах — кутерьма.*

*На тротуарах тесно стало,
Сервант на солнышке блестит...
У взрослых — чуточку усталый,
У детворы — счастливый вид.*

*А вспыхнет в окнах
Первый свет,
Подхватит ветер
Песню чью-то —
Минуты радостнее нет,
Чем эта добрая минута.*

*Люблю смотреть, как новосёлы
Въезжают в новые дома!
Решила твёрдо:
После школы
Пойду в строители сама!*

По рассказу Евгения МАРА

Давно это было — в годы гражданской войны. Били, гнали беляков славные отряды Красной Армии. Впереди войск — быстрые конники, кавалеристы Первой Конной армии легендарного командарма Семёна Михайловича Будённого.

А впереди конников, рядом с командиром, трубач. Это он поднимает конников в поход, трубит «привал», зовёт брать ложки и котелки, да так, что аппетит приходит раньше, чем повар начнёт раздавать щи да кашу. Но самое главное — звуки полкового горна зовут конников в атаку. А тут требуется от трубача отвага. Юный трубач мчится на быстром коне впереди, возле знамени. При нём оружие: на груди труба, за плечами винтовка, а на боку острая шашка.

Беляки старались подстрелить трубача. Он на виду, с трубой, в бурке и папахе. Самые меткие стрелки белых хотели поймать горниста на «мушку». Подстрелить трубача — значит сделать неммым командира. Далеко ли слышна команда, поданная голосом? Но зато на весь полк раздаются звуки горна. Люди мчатся в атаку, кони, услышав звуки трубы, прядут ушами, тоже рвутся в бой.

А тут случилось такое несчастье — убила вражеская пуля трубача. Похоронили его по военному обычаю. Дали салют из винтовок. Привели к могиле боевого коня. В холм воткнули шашку трубача. Пусть знают: здесь покоится боевой конник.

Онемел отряд без трубача, поскукнел... Однажды в холодную осеннюю пору мчался по чуть припорошённой снежком степи боец-будённовец. И вдруг конь его встал как вкопанный. Только ушами поводит да ноздри раздувает — видно, учуял что-то...

*Теперь ставь пластинку и слушай,
что было дальше.*

Аппликация А. Тюрисов

Выйти во двор —
 снег белеет,
Войти домой —
 огонь краснеет.

Что убежало —
 не догонишь,
Что окончилось —
 не почерпнёшь,
Что порвалось —
 не срастишь.

Потерянное
 не найдётся,
Потонувшее
 не всплывает.

Кто живёт близ моря,
У того ноги мокры.

Данное слово
 нарушить —
Лучше тысячу
 потерять.

И у великих гор
 есть проходы,
И у матери-земли —
 дороги,
И у синей воды — брод,
И у тёмного леса —
 тропа.

Дегененен Т. Чусупан

Жил на свете мальчик по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком — и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки — это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода всё время сосеёт под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута прjala шерсть, а Кнут носил продавать её в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепёшки. Если вырочка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, её тоже хватало ненадолго — весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберёшь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на тёплые варёные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десятка — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и дунул.

— Тра-ла-ла! — весело залилась дудочка.

Кнут дунул ещё раз, и дудочка жалобно затянула:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина Петермана!» — подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было неспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали.

И вдруг одна волна — самая большая, самая высокая — подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

— Кнут, не нашёл ли ты дудочку морской царевны!

Она поёт только три песенки. Когда она поёт: «Тра-ла-ла!» — все смеются; когда она поёт: «Баю-бай!» — все засыпают; когда она поёт: «Ой-ой-ой!» — все плачут.

— Вот как, — сказал Кнут. — Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашёл её, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна! Волна что-то сердито пророкотала, но что — нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся её разглядывать.

— Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

И вот — не прошло и минуты — у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сига, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быстросхватывающая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько её было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» — подумал Кнут и побегал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикие утки, гуси, лебеди и другие незваные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями.

Сегодня охотники были очень довольны. Ещё бы! Такой охоты у них в жизни ещё не было!

— А, это ты, Кнут! — крикнул господин Петерман. — Как это тебе удалось подманить столько птиц?

— Да я вовсе не подманивал этих птиц, — сказал Кнут. — Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

— Видно, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

— Что ж, я согласен, — сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седелруд, или Кнут Маттсон.

— Послушай, Кнут-Музыкант, — сказал господин Петерман. — Сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырёх, а то птичку не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай — я не люблю ждать.

Поставь пластинку и послушай, что же приключилось с Кнутом-Музыкантом.

Иллюстрация Н. Уралович

Слушай пластинку
3
Смотри картинку

осёл

Это был обыкновенный ослик, облившийся и задумчивый. Он стоял, понурился, у входа в цирк, который разместился на лужайке вблизи большого города.

В цирк приходило много народу. Группами и в одиночку спешили сюда люди по всем тропинкам и дорогам, для того чтобы затем слиться в одну сплошную массу человеческих тел и голов.

Головы были большие и маленькие. Большие видели и громадный шатёр цирка, и разноцветные вагоны, и стоящих рядом с ним слонов. Маленькие, с взволнованными, перепачканными мороженым личиками, не видели ничего, кроме целого леса штанин и шелковых чулок. И все они терпеливо ждали, когда сильные руки поднимут их над толпой и перед ними откроется вход в цирк, около которого стоял ослик.

Цирк был большой. Пёстрые афиши, которые уже неделю привлекали внимание прохожих, сообщали, что это самый большой цирк в мире и что под его шатром помещается четыре тысячи человек. И эти четыре тысячи человек ежедневно проходили мимо ослика. Ведь, как мы уже говорили, он стоял у самого входа.

По субботам давались три сеанса, и тогда мимо ослика проходило двенадцать тысяч зрителей.

При этом трое из четырёх человек обязательно касались его руками, похлопывали или поглаживали ослика по спине или вырывали на память клочок его шерсти. Девять тысяч рук только за одну субботу. А сколько таких суббот было в его жизни!

Прикасались к ослу по-разному. Одни — с чувством собственного превосходства, снисходительно. Другие — благосклонно. Третьи — желая похвалиться. Подходили к нему и дети, для которых это было настоящее приключение. Их руки нежно и робко гладили ослика по спине, но бывало и так, что какой-нибудь малыш, сидя у отца на руках, щекотал его своими пухлыми ручками или тянул за уши.

Ребята постарше — они приходили в цирк без родителей — думали, что совершают подвиг, тыча ослу в зубы кулаком или дёргая его за хвост, к восхищению своих приятелей.

Случалось, что какой-нибудь добросердечный зритель пытался всунуть ослу в рот конфетку или пряник, но осёл каждый раз крепко сжимал зубы и тряс головой.

Проходили мимо ослика и «знатоки», всегда готовые поделиться с другими своим опытом.

— Вот это осёл! — объявлял кто-нибудь из них с таким важным видом, что все зрители сразу поворачивали к нему головы.

Иллюстрация В. Филантинян

«Знаток» подходил к ослу, обнимал его за шею и говорил сочувственно:

— Эх, парень, наконец-то ты дождался покоя! Больше тебе не надо надрываться!.. Ведь на Востоке,—обращался он к своим добровольным слушателям,—на Востоке им приходится возить груз тяжелее их самих. Вот где им по-настоящему достается.

И тогда люди с состраданием смотрели на ослика и, уходя, снова похлопывали его по спине.

Осёл воспринимал это постоянное внимание покорно. Может быть, иногда в нём и возникало чувство протеста, но внешне оно ни в чём не проявлялось. Он стоял на трёх ногах, немного подогнув четвёртую, и, казалось, грезил о чём-то далёком и чудесном.

Но вот настал последний день пребывания цирка в городе, и к ослу подошёл какой-то самоуверенный толстяк в костюме голубого цвета. Он остановился перед ним и, критически выпятив нижнюю губу, стал его рассматривать. Потом он покачал головой и стал обходить ослика кругом. Он посмотрел на него сзади, посмотрел сбоку и, наконец, снова спереди. Животное перестало его интересоваться, и, уходя, он небрежно и грубо хлопнул его по спине. За этот день к ослу прикасались уже восемь

тысяч раз, и рука толстяка была восемь тысяч первая.

И ослик, который, казалось, мирно дремал, вдруг проснулся. Он поднял голову и, схватив толстяка за рукав зубами, изо всех сил рванул его к себе и тут же отпустил и отвернулся, и лишь кусок голубого сукна у него в зубах свидетельствовал о том, что произошло.

Толстяк был ошеломлён. Широко раскрыв рот, он бросился в толпу и высоко поднял свою руку, словно призывая всех быть свидетелями своей обиды.

— Укусил! Он меня укусил!—кричал он, глядя на ослика так, словно не верил своим глазам, и добавлял:—Какое злое животное!

Зрители останавливались. Они попеременно разглядывали то толстяка, то ослика с куском голубого сукна в зубах. И все сочувствовали толстяку. Какой злой этот осёл! Он укусил человека, который хотел его погладить. Какое неблагодарное и отвратительное животное!

После этого случая минут десять никто не дотронулся до ослика. И эти десять минут были единственными за много лет, когда он почувствовал, что такое покой.

Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила её говорить. Стоит, бывало, целый час перед клеткой на косяке окна—большой такой, добрый зверь—и густым голосом твердит перемчивой, чёрной, как уголь, птице:

— Ну, проси: скворушке—кашки!

Скворец, скосив на неё круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мяукнуть кошкой, подражает вою собаки, а человека речь не даёт ему.

— Да ты не балуй!—серьёзно говорит ему бабушка.— Ты говори: скворушке—кашки!

Чёрная обезьяна в перьях оглушительно орёт что-то похожее на слова бабушки,—старуха смеётся радостно, даёт птице просяной каши с пальца и говорит:

— Я тебя, шельму, знаю: притворяшка ты— всё можешь, всё умеешь!

И ведь выучила скворца: через некоторое время он довольно ясно просил каши, а завидя бабушку, тянул что-то похожее на:

— Дра-астуй...

Пластинка с книжной полки

А. М. ГОРЬКИЙ

Бабушкин скворец

Иллюстрация П. Бурдун

Музыкальное
слушай (3) пластинку

К. Д. Ушинский

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала тёмное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и побольше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зёрнышек, попить водички и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, хлопчет, даже петушку не даёт подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в тёмном уголке делается.

Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклёвываться один за другим: проклонет скорлупку носом, выскочит, отряхнётся и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыплёнок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, жёлтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыплёнок,— думает курица,— и клюёт и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается». Подвигались ку-

рица своему цыплёнку, однако же какой ни на есть, а всё сын. И любит и бережёт его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распушивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыплёнок завидел воду, так прямо и кинулся в неё. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый ещё раз в своей жизни заорал сиплым голоском: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет! Но братец не утонул, а повесело и легко, как клок хлопчатой бумаги, плывал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатými лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утине яйцо под курицу».

А курица так и вралась к пруду: насилила могли отогнать, бедную.

КОЛОСОК

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ДЕТСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «КРУГОЗОР»

© ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ ССР ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Художник О. А. Козлов
Технический редактор И. А. Кузьмина

На 1-й обложке рисунок
художника А. Васильева

слушайте
на пластинках:

*** Загадки художника**

- Попробуй разобраться, от какой бензоколонки заправляется каждая машина.
- Найди двух одинаковых человечков.

ПЕРВАЯ ТРУБА

Воспоминания
дирижера
К. Иванова

Читают
М. Козлов и
Т. Пельцнер

**РАССКАЗ
М. ГОРЬКОГО
И СКАЗКА
К. УШИНСКОГО**

КЛУТ-МУЗЫКАНТ

Исполняют
артисты
московских
театров
Режиссёр
И. Мироненко

Песни
исполяют
детские
хоры

**ЖИЛА-
БЫЛА
ПЕСЕНКА**

Адрес редакции:
113326, Москва, ул. Патричная, 25.
Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и ГДРЗ.
Сдано в набор 4.12.79.
Подписано к печати 17.12.79.
Формат 60 × 84. Орфетная печать.
Усл. печ. л. 1,87, уч.-изд. л. 2,60.
Тираж 250000 экз. Заказ 1836.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Цена 65 копеек.

Про мышонка

День в лесу был в полном разгаре. Из-под снега вынырнули две лесные мыши. Пробежали немного. И на белом снегу легли их следы.

Мышь величиной с ладошкой—мама. Мышь величиной с пол-ладошки—сынук.

Мама быстро-быстро расчесала мех, умыла мордочку. Мышонок тоже принялся умываться, но не так быстро, как мама. Его всё время что-нибудь отвлекало: то искорка на снегу, то тень от сухой травинки. Он ведь в первый раз вышел из тёплого гнезда под снегом. И всё вокруг его удивляло.

Вдруг что-то произошло перед ним, и снег высоко взметнулся.

— Иди за мной!—сказала мама так спокойно, как будто ничего не случилось.

— Какая ты смелая!—удивился сынук.

— И ты не бойся,—сказала мама.—Это белка прыгнула с дерева. Белки мышей не едят. Вот её следы, запомни.

От дерева к дереву голубели ямки крупнее мышинных. Они уходили в низкий ельник. Мышонок пробежал от одного следа до другого и оробел.

— Как много моих следов умещается между белкиными! Видно, большой она зверь...

— Да вон она сидит на ветке, видишь пушистый хвост? Белка прыгает, а прыжки всегда длиннее шагов. У неё вон там в ельнике ещё с осени в птичьих гнёздах орехи припрятаны. Да жаль, высоко для нас,—вдохнула мама-мышь.—Иногда белки на земле во мху орехи прячут. Тогда и нам пожива.

Побежали мыши дальше. Привела, наконец, мышь мышонка к высоким зарослям какой-то травы, похожей на палки в снежных шапках. Мама подрызла одну такую палку, шапка упала, рассыпалась. Под ней оказались семена на длинных ножках. Мышонок лакомился семенами, а мама рассматривала в стороне чьи-то следы. Уж она-то знала, что бывает от этих следов! Осенью их не сразу разглядела её бабушка. И... бабушки больше нет. Правда, она была совсем старая, ей было больше двух лет. Мама позвала сына.

— А чьи это следы?—спросил мышонок.

— Ворона. Запомни их. Видишь, они похожи на кресты, и лучше тебе не встречать их на своём пути.

Они выбрались из опасного места, но мышонок долго ещё опасливо озирался по сторонам и не

заметил ямы. Бух... Он шлёпнулся на спину, пискнул и замер.

Мама быстро прорыла к нему под снегом ход и перевернула его на лапки.

— Ой, куда это я провалился?!

— Сейчас ты всё поймёшь, не отставай!—сказала мама и привела мышонка к широкому пню. С пня далеко было видно вокруг. Мышонок увидел одну глубокую яму, другую, третью...

— Это следы лося,—пояснила мама.—Он—огромный зверь. Но мышей не ест. Раз прошли лоси, пора и нам бежать вон на ту полянку. Туда каждый вечер лошадь привозит для них корм.

И она торопливо побежала вдоль лосиных следов. Мышонок не отставал. Но тут мышь услышала лай и опять увела мышонка под снег. Над ними кто-то заходил, затопал. Когда всё стихло, они высочили наверх. Вокруг было пусто и тихо, только чьи-то следы на снегу: ямочки одна к другой, как цветок. Но маме этот след не понравился.

— Опасный. Собачий.

Они добежали до гладкой блестящей дороги и услышали удаляющийся скрип саней, топот ифырканье лошади. За дорогой темнела гора.

— Вот и стог сена!—сказала мама и потянула носом воздух. И мышонок понюхал воздух. Такого необыкновенно вкусного запаха он ещё ни разу не нюхал! И оба они, даже не обращая внимания на топтавшихся вокруг лосей, ринулись в стог.

Это был пир! Луговые кашки, черноголовки, мятлики, тимофеевки и множество плотных стручков мышиного горошка!

Они перетаскивали в норку горошины и сено, зажимая пучки в зубах. И вдруг мышонок испугался:

— Мама! Чьи-то следы, совсем непонятные...

На снегу отпечаталось: ямки, потом две длинные бороздки, снова ямки и снова бороздки...

Это же твои следы! Смотри: ямки—от лапок. Бороздки—от хвоста и травинки.

Мышонок успокоился и обрадовался:

— Теперь я всё про следы знаю!

Уже темнело, и мыши спешили в тёплую норку. На сером от сумерек снегу следы их отпечатывались теперь белым узором. Совсем стемнело, когда они были уже глубоко под снегом, и никаких следов не стало видно.

Т. НИКОЛАЕВА

Иллюстрация В. Иванова

помещка

Во новой деревне
Во старом селенье
Много див увидишь:

- Курочка в серёжках,
- Петушок в сапожках,
- Коза в сарафане,
- А бык в кожане,

- Утка в юбке,
- Селезень в ожерельях,
- Корова в рогоже —
- Нет её дороже.

Ульяна, Ульяна,
Садись-ка ты в сани,
Пойдём-ка с нами
В новую деревню;

Литовские А. Смирнов